

Биография поэта

- Родился в 1895 году, 21 сентября, в Рязанской губернии. Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константинове. С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку.

Биография поэта

- Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Стерва! Ну куда ты годишься? ». «Стерва» у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, его не трожь, он так будет крепче! »

Биография поэта

- Бабушка любила меня изо всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.
- Так протекло мое детство. Когда же я подрос, из меня очень захотели сделать сельского учителя и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую, я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось.

Биография поэта

- Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16—17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в «Радунице».
- Восемнадцати лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий меня свел с Клюевым, о котором я раньше не слышал ни слова. С Клюевым у нас завязалась, при всей нашей внутренней распре, большая дружба.

Биография поэта

- В эти же годы я поступил в Университет Шанявского, где пробыл всего 1,5 года, и снова уехал в деревню.
- В Университете я познакомился с поэтами Семеновским, Наседкиным, Колоколовым и Филипченко.
- В 1919 году я с рядом товарищей опубликовал манифест имажинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом.

Биография поэта

- От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции.
- С восьми лет бабка таскала меня по разным монастырям, из-за нее у нас вечно ютились всякие странники и странницы. Распевались разные духовные стихи. Дед, напротив, был не дурак выпить. С его стороны устраивались вечные невенчанные свадьбы.
- После, когда я ушел из деревни, мне долго пришлось разбираться в своем укладе.

Биография поэта

- В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном. В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину.
- Что касается остальных автобиографических сведений, они в моих стихах. Октябрь 1925 (Так писал о себе сам С.А.Есенин)

- Самые известные произведения поэта.

«Гой ты, Русь моя родная...»

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.
Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.
Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.
Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девиций смех.
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».
[1914]

«Не бродить, не мять в кустах

багряных...»

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,

Нежная, красивая, была

На закат ты розовый похожа

И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,

Имя тонкое растаяло, как звук.

Но остался в складках смятой шали

Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,

Как котенок, моет лапкой рот,

Говор кроткий о тебе я слышу

Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,

Что была ты песня и мечта,

Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи —

К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

«Разбуди меня завтра рано...»

Разбуди меня завтра рано,

О моя терпеливая мать!

Я пойду за дорожным курганом

Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще

След широких колес на лугу.

Треплет ветер под облачной кущей

Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,

Шапку-месяц пригнув под кустом,

И игриво взмахнет кобылица

Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,

Засвети в нашей горнице свет.

Говорят, что я скоро стану

Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,

Нашу печь, петуха и кров...

И на песни мои прольется

Молоко твоих рыжих коров.

«Я покинул родимый дом...»

Я покинул родимый дом,

Голубую оставил Русь.

В три звезды березняк над прудом

Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна

Распласталась на тихой воде.

Словно яблонный цвет, седина

У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь.

Долго петь и звенеть пурге.

Стережет голубую Русь

Старый клен на одной ноге,

И я знаю, есть радость в нем

Тем, кто листьям целует дождь,

Оттого что тот старый клен

Головой на меня похож.

«Не жалею, не зову, не плачу...»

● Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.
Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.
Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

«Заметался пожар голубой...»

Заметался пожар голубой,

Позабылись родимые дали.

В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь как запущенный сад,

Был на женщин и зелие падкий.

Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,

Видеть глаз златокарий омут,

И чтоб, прошлое не любя,

Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,

Если б знала ты сердцем упорным,

Как умеет любить хулиган,

Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил,

Только б тонко касаться руки

И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой

Хоть в свои, хоть в чужие дали...

В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Исповедь хулигана

● Не каждый умеет петь, Не каждому дано яблоком Падать к чужим ногам. Сие есть самая великая исповедь, Которой исповедуется хулиган. Я нарочно иду нечесаным, С головой, как керосиновая лампа, на плечах. Ваших душ безлиственную осень Мне нравится в потемках освещать. Мне нравится, когда камень брани Летят в меня, как град рыгающей грозы, Я только крепче жму тогда руками Моих волос качнувшийся пузырь. Так хорошо тогда мне вспоминать Заросший пруд и хриплый звон ольхи, Что где-то у меня живут отец и мать, Которым наплевать на все мои стихи, Которым дорог я, как поле и как плоть, Как дождик, что весной взрывает зеленя. Они бы вилами пришли вас заколоть За каждый крик ваш, брошенный в меня. Бедные, бедные крестьяне! Вы, наверно, стали некрасивыми, Так же боитесь бога и болотных недр. О, если б вы понимали, Что сын ваш в России Самый лучший поэт! Вы ль за ж...нь его сердцем не индевели, Когда босые ноги он в лужах осенних макал? А теперь он ходит в цилиндре И лакированных башмаках. Но живет в нем задор прежней вправки Деревенского озорника. Каждой корове с вывески мясной лавки Он кланяется издалека. И, встречаясь с извозчиками на площади, Вспоминая запах навоза с родных полей, Он готов нести хвост каждой лошади, Как венчального платья шлейф. Я люблю родину. Я очень люблю родину! Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь. Приятны мне свиней испачканные морды И в тишине ночной звенящий голос жаб. Я нежно болен воспоминаньем детства, Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь. Как будто бы на корточках погреться Присел наш клен перед костром зари. О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих, Карабкаясь по сучьям, воровал! Все тот же ль он теперь, с верхушкой зеленой? По-прежнему ль крепка его кора? А ты, любимый, Верный пегий пес?! От старости ты стал визглив и слеп И бродишь по двору, влача обвисший хвост, Забыв чутьем, где двери и где хлев. О, как мне дороги все те проказы, Когда, у матери стянув краюху хлеба, Кусали мы с тобой ее по разу, Ни капельки друг другом не погребав. Я все такой же. Сердцем я все такой же. Как васильки во ржи, цветут в лице глаза. Стеля стихов злаченные рогожи, Мне хочется вам нежное сказать. Спокойной ночи! Всем вам спокойной ночи! Отзвенела по траве сумерек зари коса... Мне сегодня хочется очень Из окошка луну..... Синий свет, свет такой синий! В эту синь даже умереть не жаль. Ну так что ж, что кажусь я циником, Прицепившим к заднице фонарь! Старый, добрый, заезженный Пегас, Мне ль нужна твоя мягкая рысь? Я пришел, как суровый мастер, Воспеть и прославить крыс. Башка моя, словно август, Льется бурливых волос вином. Я хочу быть желтым парусом В ту страну, куда мы плывем.

● Ноябрь 1920

Чёрный Человек

«Чёрный человек» – замысел поэмы возник у Есенина в годы зарубежных поездок. Сергей Есенин, – сообщал в восьмом номере журнала «Россия» в 1923 году, – вернулся из Нью-Йорка... Им написан цикл лирических стихотворений «Страна негодяев» и «Чёрный человек в чёрной перчатке». По свидетельству современников (А. Мариенгофа, В. Шершневича и других), первый вариант поэмы, значительно более драматический и большой по размеру, Есенин читал после возвращения на родину в 1923 году. Ещё в конце 1955 года жена поэта Софья Андреевна Толстая-Есенина, показывая сохранившийся у неё автограф заключительных строк поэмы, заметила с явным огорчением: «Как ни странно, но мне приходилось слышать и даже у кого-то читать, что «Чёрный человек» писался в состоянии опьянения, чуть ли не в бреду. Какой это вздор! Взгляните ещё раз на этот черновой автограф. Как жаль, что он не сохранился полностью. Ведь «Чёрному человеку» Есенин отдал много сил! Написал несколько вариантов поэмы. Последний создавался на моих глазах, в ноябре двадцать пятого года. Два дня напряженной работы. Есенин почти не спал. Закончил – сразу прочитал мне. Было страшно. Казалось, разорвется сердце. И как досадно, что критикой «Чёрный человек» не раскрыт...а между тем я писала, об этом в своих комментариях. Замысел поэмы возник у Есенина в Америке. Его потряс цинизм, бесчеловечность увиденного, незащищенность человека от черных сил зла». «Чёрный человек» – это своеобразный реквием поэта. С трагической искренностью поведал нам Есенин о своей поэтической исповеди о том «чёрном», что омрачало его душу, что всё больше волновало его сердце. Но – это только одна грань, одна сторона поэмы,

так-как теперь особенно очевидно, что её художественно-философское и социальное содержание, несомненно, значительно глубже. Своей поэмой Есенин так яростно «ударил» «чёрного человека», так бесстрашно обнажил его душу, что необходимость суровой, беспощадной борьбы с чёрными силами зла стала ещё более очевидной. Такова вторая грань, вторая сторона поэмы.

Смерть поэта

«До свидания, друг мой, до свидания...»

28 декабря 1925 года Есенина нашли мёртвым в ленинградской гостинице «Англетер» его друг Г. Ф. Устинов с супругой. Последнее его стихотворение — «До свиданья, друг мой, до свиданья...» — по свидетельству Вольфа Эрлиха, было передано ему накануне: Есенин жаловался, что в номере нет чернил, и он вынужден был писать своей кровью.

Согласно версии, которая является ныне общепринятой среди академических исследователей жизни Есенина, поэт в состоянии депрессии (через неделю после окончания лечения в психоневрологической больнице) покончил жизнь самоубийством (повесился).

После гражданской панихиды в Союзе поэтов в Ленинграде тело Есенина было доставлено на поезде в Москву, где в Доме печати также было устроено прощание с участием родственников и друзей покойного. Похоронен 31 декабря 1925 года в Москве на Ваганьковском кладбище.

● В 1970—1980-е годы возникли версии об убийстве поэта с последующей инсценировкой самоубийства Есенина (как правило, в организации убийства обвиняются сотрудники ОГПУ). Вклад в разработку этой версии внёс следователь Московского уголовного розыска, полковник в отставке Эдуард Хлысталов. Версия убийства Есенина проникла в массовую культуру: в частности, в художественной форме представлена в телесериале «Есенин» (2005). Если детально рассмотреть посмертные фото поэта в высоком разрешении, то можно с уверенностью предположить что поэт перед смертью был сильно избит В пользу этого говорит тот известный факт, что Сергей Есенин, с юности увлекавшийся кулачными боями, был, по воспоминанию современников, достаточно сильным бойцом, который мог оказать активное сопротивление напавшим на него убийцам. Смерть Есенина до сих пор остается загадкой.

